

Жан Боден

МЕТОД
ЛЕГКОГО ЧТЕНИЯ
ИСТОРИЙ

Оглавление

От переводчиков	7
МЕТОД ЛЕГКОГО ЧТЕНИЯ ИСТОРИЙ.	
II. ОБ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВ	11
Глава VI. Об устройстве государств.....	13
Раздел 1. Основные понятия.....	14
Что есть гражданин.....	14
Что есть магистрат	27
Что есть высшая власть	30
Раздел 2. Три вида государства	37
Государственное устройство у римлян	37
Государственное устройство у лакедемонян.....	43
Государственное устройство у венетов.....	45
Сравнение государств афинян, венетов и римлян	49
Устройство государства оптиматов.....	55
Устройство монархического государства.....	57
Государственное устройство у германцев	62
Государственное устройство Норимберги	63
Государственное устройство у ахейцев.....	64
Система монархического правления.....	65
Раздел 3. Смена форм высшей власти	67
Изменения в государствах	67
Два вида смены власти	71
Перемены в государствах соответственно числам	77
Перемены в Римской державе	89
Перемены в державе афинян.....	90
Перемены в державе лакедемонян.....	91
Перемены в Западной империи	91
Государственное устройство у гельветов и его изменения	92
Государственное устройство у гуннцев и его изменения	95
Государственное устройство у луkenцев	96
Государственное устройство у рагусийцев	97
Государственное устройство Флоренции и его изменение	97

Устройство и изменения государства галлов	101
Государственное устройство у массилийцев	101
Изменения в империях халдеев, ассирийцев, персов и парфян.....	111
Изменения в империи греков.....	112
Изменения в арабской империи	112
Изменения в империи турок	113
Изменения в Полонском государстве	114
Изменения в государствах Дании и Швекии	114
Изменения в Британском государстве.....	115
Изменения в Испанском государстве	116
Раздел 4. Наилучшее государственное устройство.....	118
Наилучшее государственное устройство	118
Царская власть лучше, чем власть оптиматов.....	121
Царская власть соответствует общим законам природы	122
Устройство государства евреев и его изменения.....	130
Царская власть самая лучшая	132
В монархии следует избегать выборов	132
<i>Комментарии</i>	139
Список сокращений.....	516
Указатель имен	548
Указатель географических названий	558

От переводчиков

В первом томе трехтомного издания «Метода» Жана Бодена, включающем первые пять глав, речь шла о рациональном подходе к чтению исторических сочинений, чтобы среди огромной массы написанного можно было выбрать наилучшее. Шестая глава, составляющая второй том, представляет собой результаты (плоды) такого подхода — описывая государственные устройства многочисленных государств, начиная с самых древнейших, автор выявляет его оптимальную форму.

Шестая глава не только самая объемная (1/3 общего текста), но и особо значимая в историческом наследии Бодена, ибо в ней заложен фундамент его главного труда — «Шести книг о государстве» (1578 г.), написанных на французском языке, в которых намеченные в «Метод» проблемы получают широкое освещение, а краткие высказывания будут развернуты в целые главы. Для переводчиков это бесценный материал, тем более бесценный, что Боден оставил нам еще и латинскую версию «Государства» (1586 г.)¹, благодаря чему мы имели возможность уточнить ключевые понятия, которыми оперировал автор, скорректировать цитаты, сопоставить их новое прочтение с прежним.

Нас в первую очередь, естественно, интересовали слова с семей «власть», представленные группой синонимов *auctoritas*, *potestas*, *imperium*, а также *maiestas* (верховенство). Перевод их на французский (П. Менар) и английский (Б. Рейнольдс) облегчался тем, что все они в той или иной форме вошли в состав этих языков (*autorité*, *puissance*, *pouvoir*, *empire*, *majesté/authority*, *powers*, *empire*, *majesty*), хотя и с несколько измененной семантикой. Правда, Менар и Рейнольдс не использовали слово *empire* для перевода *imperium* в его исходном значении «империй», т.е. «власть, связанная с правом казнить и миловать»². Они употребляли его только в значении «империя» — в том,

¹ Решение перевести «Государство» на латинский язык пришло Бодену во время его поездки в Лондон в 1579 г., где ему представился случай слушать двух своих соотечественников, объясняющих англичанам на латыни «с великим трудом и докучливо (*difficili ac molesta ratione*)» французский текст «Государства». См.: *Epistola Duvallio Dampetrae, comiti // De Republica libri sex, latine ad autore redditi*. Parisius, 1586.

² Хотя в английском и французском языках слово *empire* имеет, помимо других, также значение «высшая политическая власть». См.: *Webster N. An American Dictionary of the English Language*. 15th ed. New York, 1838. P. 294; *Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle*. Paris, 1866. T. 7. P. 463–464.

в котором это французское слово использовал в основном (как показывает «Государство») сам Боден. Что касается нас, то мы при выборе русских аналогов исходили исключительно из контекста, прежде всего исторического³, что позволило нам в какой-то степени передать смысловое многообразие понятия «власть». Для уточнения того или иного термина мы нередко давали в скобках его латинскую форму.

Иная ситуация сложилась со словом *majestas*. Во французском (*majesté*) и английском (*majesty*) оно утратило значение «верховенство» и означает лишь «величие» («величество»). У Менара и Рейнольдс аналогом его стал «суверенитет» (*souveraineté/sovereignty*), вошедший в широкий научный оборот после публикации «Государства», в котором Боден предъявил *urbi et orbi* свою теорию суверенной власти. В его интерпретации термин обрел дополнительные коннотации; под ним он понимал не только «верховенство власти», но ее «неограниченность» и «неизменность». Там же был поставлен знак равенства между *souveraineté* и *maiestas*: «Суверенитет — это абсолютная и неизменная власть государства, которую латиняне называют *maiestas* (здесь и далее выделено нами. — И. К., Е. К.), греки — ἄκρα ἐξουσία, κυρία ἀρχή и κύριον πολιτεῦμα, итальянцы — *signoria*... евреи называют ее טַשׁ רַמּוּן, то есть высшая власть приказывать»⁴.

Менар и Рейнольдс в полной мере воспользовались подсказкой Бодена, о чем свидетельствует высокая частотность употребления *souveraineté/sovereignty*, как и *souverain/sovereign*. У Менара почти везде *summum imperium* переводится как *souveraineté*, Рейнольдс чередует *sovereignty* с *supreme, highest authority (power)* и др. Термин *maiestas* в единичных случаях тоже передается как *souveraineté/sovereignty*, однако в подавляющем большинстве как *majesté/majesty*, хотя речь там идет не о «величии» власти, а ее «верховенстве». Таков был выбор французского и английского переводчиков, и он закономерен, ибо отвечал их установке на модернизацию боденовского высказывания. Требовалось только оговорить, как сам автор понимал термин *souveraineté*, чтобы современный читатель мог разобраться в его многозначности. Ведь с тех пор прошло несколько веков, и к тем смыслам, которые Боден вкладывал в него, добавилось немало других.

Мы отказались от слова «суверенитет», поскольку считали принципиально важным оставаться в рамках оригинального (латинского) дискурса.

³ Например, мы использовали слово «империй», чтобы передать тот специфический смысл, который имел термин *imperium* в римском праве.

⁴ *Bod. Rep. I. 8: P. 122: «La souveraineté est la puissance absolue et perpetuelle d'une République, que les Latins appellent *maiestatem*, les Grecs ἄκραν ἐξουσίαν, & κυρίαν ἀρχήν, & κύριον πολιτεῦμα, les Italiens *signoria*... les Hebreux l'appellent טַשׁ רַמּוּן, c'est à dire la plus grande puissance de commander».*

Ни в «Методe» (за исключением одного особого случая), ни в латинской версии «Государства» его нет, что естественно, ибо такой лексемы в латинском языке не существовало. *Souveraineté* — реалия французского языка⁵. Единственный раз и в необычной форме Боден употребил этот термин в шестой главе, определяя понятие «высшая власть» с помощью разноязычных аналогов: «<Теперь> мы должны дать дефиницию высшей власти (*summum imperium*), которая определяет <характер> государственного устройства и которую Аристотель называет κύριον πολίτευμα или κυρία ἀρχή, итальянцы — *signoria*, мы — *suverenitas*, латиняне — высшим управлением государственными делами (*summa rerum*) и высшей властью (*summum imperium*)» (см. ниже с. 30)⁶. Автор сам сконструировал его на латинский манер — *suverenitas*, да еще поставил в винительном падеже — *suverenitatem*⁷. Однако в латинском варианте «Государства» он отсутствует даже в аналогической «синонимической» цепочке, открывающей главу 8 Книги I (см. ниже).

В этих двух текстах для обозначения понятия «высшая власть» Боден использовал, наряду с *summum imperium*, термин *maiestas*⁸ (или *maius imperium*), зафиксировав их смысловое родство в начале шестой главы «Метода» (см. ниже с. 16): «...высшая власть, которая определяет, кому принадлежит верховенство в государстве и каков его политический строй»⁹ и еще раз подтвердив в латинской версии «Государства»: «*Maiestas* — это высшая по отношению к гражданам и подданным и не стесненная законами власть, которую греки называют ἄκρα ἐξουσία, порой κυρία ἀρχή и κύριον πολίτευμα, итальянцы — *signoria*; евреи טשׁ ךּׁן, то есть высший империй; ведь *majestas*, по словам Феста, происходит от *magnitudo* (могущество)»¹⁰. Мы следовали этой «подсказке» Бодена и переводили *majestas* как «верховная власть» или «верховенство власти».

⁵ От старофр. *suverainetet*, в свою очередь произошедшего от позднелат. *superanus* (от лат. *super*), который появился в XII в. и означал сначала «вершину» в физическом смысле (*sommet*), а с XIII в. уже «высшую власть».

⁶ Io<annis> Bodini Andeg<avensis> in Parisiorum senatu advocati Methodus ad facilem historiarum cognitionem. Parisius: Martinus Iuvenis, 1572. P. 260: «Veniamus ad imperii summi definitionem, in quo versatur Reipublicae status, quem Aristoteles τὸ κύριον πολίτευμα sive κυρία ἀρχή, Itali signoriam, nos, suverenitatem, Latini summam rerum et summum imperium appellant».

⁷ Как и итал. *signoria* > *signoriam*. См. предыдущую сноску.

⁸ 25 случаев его употребления в главе VI «Метода».

⁹ Ibid. P. 234: «...summum imperium... in quo versatur majestas ac Reipublicae status».

¹⁰ De Republica... P. 78: «*M a i e s t a s* est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas, quam Graeci ἄκραν ἐξουσίαν, interdum κυρίαν ἀρχήν, et κύριον πολίτευμα, Itali signoriam, Hebraei טשׁ ךּׁן, id est maius imperium, appellant: est enim maiestas, inquit Festus, à magnitudine dicta».

Если говорить в целом о боденовском дискурсе, то прежде всего надо указать на одну из главных его характеристик, а именно обремененность «чужими» текстами, которые тоже требуют внимательного прочтения и комментирования¹¹. Дело в том, что Боден пишет «Метод» не один, а как бы в соавторстве со своими предшественниками (начиная с Моисея) и современниками, с которыми ведет бесконечный диалог. Текст насыщен цитатами, дословными (но незакавыченными) или переложенными нашим автором. Подстрочных сносок нет¹², но называются имена его собеседников, а иногда и заглавия их сочинений, и номера глав. Сложности возникали с «безымянными» фрагментами; в каких-то случаях их авторство угадывалось по известным высказываниям или терминам, в других требовался длительный поиск. В комментариях к «чужим» текстам читатель столкнется, и не раз, с замечаниями типа «Боден неправ», «заблуждается», «смешивает одно с другим» и т.д., что связано с их неточным цитированием или неверной трактовкой, а местами и намеренным искажением информации ради «чистоты рисунка». Особенно это касается чисел и дат. Небрежность цитирования была свойственна (в разной степени) представителям Возрождения. Так и Боден не был свободен от ошибок. Обладатель обширнейших знаний, он, по всей видимости, воспроизводил события прошлых веков или суждения ученых, полагаясь на свою память и не всегда заглядывая в первоисточники.

Все правила, которыми мы руководствовались при работе над первым томом (выделение курсивом дополнений, внесенных автором в издание 1572 г., написание имен собственных, оформление цитат, справочного материала и проч.), остаются неизменными. При передаче латинских или греческих имен собственных мы следовали транскрипции, традиционной для каждого из этих языков, сохраняя различия в их написании у Бодена и в его источниках (напр.: «Кантурбия» в «Метод» и «Контурбия» у Сансовино, «Фальер» в «Метод» и «Фалетр» у Контарини). Что касается цитат как в самом тексте, так и в наших комментариях к нему, то в одних случаях мы давали собственный перевод, в других же использовали уже существующие переводы на русский язык, где-то корректируя их, где-то воспроизводя дословно.

¹¹ Особенно в части хронологии. Ко времени написания «Метода» еще не была создана унифицированная историческая хронология. Единая календарная система (по юлианскому периоду с начальной датой 1 января 4713 г. до н.э.) была разработана Жозефом Жюстом Скалигером (1540–1609) и Дионисием Петавием (1583–1652).

¹² Ссылки на авторов и на их сочинения вместе с ссылками на топосы Боден стал использовать в «Государстве», ставя их на полях, как и советовал в «Метод» составителям историй, правда, только относительно топосов (см. Т. 1. С. 136).

МЕТОД
ЛЕГКОГО ЧТЕНИЯ
ИСТОРИЙ

II

*Об устройстве
государств*

«Из всех законов государства нет более священного, чем закон, который лишает указы правителей какой-либо силы, если они не соответствуют справедливости, равно как и правде».

Жан Боден

Об устройстве государств

Поскольку исторические сочинения по большей части создавались, чтобы рассказать об устройстве государств и их изменениях¹, необходимо для наилучшего их использования кратко изложить, как возникали, какую форму принимали и как исчезали империи, особенно потому, что во всем историческом жанре не найти ничего более плодотворного и полезного. Правда, остальное также считается превосходнейшим для познания души и весьма замечательным для воспитания нравов каждого; тем не менее то, что благодаря чтению историков узнают о появлении гражданских общин, <их> росте, зрелости, упадке и гибели, необходимо не только отдельному человеку, но и всем людям в совокупности. По мнению Аристотеля², нет ничего, что более способствовало бы укреплению и сохранению человеческих сообществ, чем изучение науки управления государством³. Однако мнения о ней великих мужей столь многочисленны и разнообразны, что должно бы показаться удивительным, почему за столько веков до сих пор никто не установил, каково же было наилучшее государственное устройство.

Платон⁴, исходя из того, что не существует никакой науки управления государством⁵ или же она столь трудна для понимания, что ее никто не может постичь⁶, пришел к мысли, не стоит ли ученым мужам для установления законов и надлежащего государственного устройства собрать все обычаи и все установления всех государств, <а затем> сравнить их между собой и выплавить из них наилучшую форму⁷. Его совету, видимо, попытался последовать, насколько мог, Аристотель, однако безуспешно. После Аристотеля Полибий⁸, Дионисий Галикарнасский⁹, Плутарх¹⁰, Дион¹¹, Тацит¹² (я опускаю тех, чьи труды пропали) оставили рассеянными по <их> сочинениям много замечательных и глубоких <мыслей по этому поводу>. Также и Макиавелл¹³, причем, как полагаю, первый, после примерно тысячи двухсот лет, погруженных в беспросветное варварство, написал о государстве много такого, что у всех на устах¹⁴. Нет сомнения, что он сделал бы намного точнее и лучше, если бы соединил изложенное древними философами и историками с опытом <управления>; этого, однако, ему недоставало, как сообщает Иовий¹⁵ и <о чем> говорит сам <его> труд. За Макиавеллом последовали Патриций¹⁶,

Т<омас> Мор¹⁷, Роб<ерт> Британец¹⁸, Гаримберт¹⁹, <писавшие> весьма серьезно и подробно о том, как возвращать нравы, исцелять народы, наставлять правителя, устанавливая законы, но мало об устройстве государств и ничего об их изменениях; они к тому же не коснулись того, что Аристотель называет σοφίσματα (хитрости)²⁰ или κρύφια (скрытые <дела>)²¹ правителей, а Тацит — imperii arcana (тайны власти)²². Некоторые другие предоставили взору под видом истории²³ умозрительные образы государств, не подкрепив их никакими доказательствами. Я исключая Контарена²⁴, предложившего государственное устройство венецов, по его мнению, прекраснейшее из всех²⁵, не только внимательно изучать, но и брать в качестве примера для подражания²⁶. В общем, это те <авторы>, чьими сочинениями о государстве мы располагаем. Хотя они написали о данном предмете настолько подробно, насколько подобало, тем не менее я посчитал необходимым рассмотреть его в нашем кратком «Метод», и это еще более необходимо, когда у многих не хватает многого.

Вот почему мне показалось полезным для разрабатываемого мной метода сравнить между собой рассуждения философов и историков о государстве, а также державы прошлого с нынешними, чтобы после их сопоставления друг с другом стало яснее то, что было рассказано историками о всех государствах. *Мы сорвем при таком рассмотрении еще один плод: мы легче поймем, какие законы необходимы при царской власти, а какие — при народном правлении и правлении оптиматов²⁷ (ведь существует великое разнообразие как таких законов, так и государств).*

Но при исследовании следует обращаться за помощью не к суждению <кого-либо>, а к доказательствам. Сначала мы должны опровергнуть с помощью непреложных аргументов аристотелевские определения гражданина, гражданской общины, государства, верховной власти, магистрата, которые суть основы данного изыскания; затем мы изложим наше мнение о каждом <из них> и отбросим укоренившееся заблуждение о правильно организованном правлении; потом мы расскажем в должном порядке о трех видах государства, после этого о смене <форм> высшей власти и, наконец, о наилучшем <государственном> устройстве.

<Раздел 1. Основные понятия>

Что есть гражданин. — Аристотель определяет «гражданина» <как того, кто обладает> судейскими полномочиями, властью магистрата и правом принимать решения <в народном собрании>²⁸; он признаёт, что это определение подходит лишь к народному правлению. Но поскольку определение должно обозначать общие понятия, никто, исходя из Аристотеля, не будет гражданином, если он не рожден в Афинах и во времена Перикла²⁹; осталь-

ные в своем городе — изгнанники или перегрины³⁰, кому отказано в почестях, судейских полномочиях и <в участии> в народном собрании. Как же тогда быть с императором Антонином³¹, который обнародовал закон, постановив, что все люди, живущие в пределах Римской монархии, являются римскими гражданами?³² Ведь, если верить Аристотелю, все были перегринами после упразднения народного правления³³. Так как подобные взгляды абсурдны и опасны для гражданских сообществ, необходимо считать абсурдным и то, что из них следует. И все же это суждение Аристотеля ввело в заблуждение Контарена³⁴, Сигония³⁵, Гаримберта³⁶ и многих других; нет сомнения, что оно послужило серьезным поводом для внутренних войн во многих гражданских общинах. А что если это определение гражданина, приведенное Аристотелем, не подходит даже народному государству?³⁷ Ведь и в Афинах, где государство, как говорят, было самым народным из всех, четвертый класс, <состоявший> из ничтожнейших и беднейших, то есть огромная часть населения³⁸, по закону Солона³⁹ не допускался к почетным должностям, в сенат и к жеребьевке магистратур⁴⁰, о чем пишет Плутарх⁴¹.

Он же [Аристотель] определяет «магистрата»⁴² <как того, кто обладает> империей, юрисдикцией и правом принимать решения⁴³. Исходя из этого, он отмечает, что «магистратом» называется человек, который достиг того, чего может достигнуть гражданин, таким образом, гражданин <определяется> только по пригодности и по возможности⁴⁴. Но чтобы не показалось, что мы углубляемся в тонкости, <спросим>, кого же по этой логике можно будет назвать в государстве магистратами, если в совет допускается столь малое их число? Да и почти везде государственный сенат лишен империя и юрисдикции, и то, что он постановляет, обретает силу не раньше, чем будет утверждено или народом, или оптиматами, или правителем, как мы покажем ниже. Однако зачем доказывать, когда сам Аристотель в последней книге⁴⁵ перечисляет бесконечные виды магистратур, которые не имеют ни империя, ни судебной власти, ни права принимать решения?⁴⁶ Когда же он называет государством устройство гражданской общины и магистратур⁴⁷, он справедливо делает общину предшественницей государства⁴⁸: гражданская община — это некое множество людей без магистратов и властных полномочий, государство же — организация граждан и магистратур⁴⁹. Но если многие живут в одном месте без законов и властных полномочий, если никто не заботится об общем деле, которого нет, но каждый — о своем собственном, если не установлено никаких наказаний для недостойных и никаких наград для достойных, где же может возникнуть нечто подобное гражданской общине?⁵⁰ Тогда это огромное скопление надо было бы назвать не «гражданской общиной», а ἀνάρχια или иным именем, ведь такого рода люди являются ἀπόλιδες⁵¹, как у Гомера⁵², и ἀθέμοτοι⁵³.

Однако же <Аристотель> нигде не дает дефиниции высшей власти, которая определяет, кому принадлежит верховенство в государстве и каков его политический строй, а <лишь> называет ее *κύριον πολιτεύμα*⁵⁴ и *κυρία ἀρχή*⁵⁵, если не считать, что он это сделал, когда установил в целом три составляющие государства: одна — принимать решения, другая — назначать магистратов, третья — отправлять правосудие⁵⁶. Но власть, называемая высшей, должна быть такого рода, что ее нельзя предоставлять никакому магистрату, иначе она не будет высшей, разве что народ или правитель полностью от нее откажется; тот же, кому дадут высшую власть, *если только не временно*, станет уже не магистратом, а правителем. Право принимать решения по поводу государства предоставляется даже частным лицам, а судопроизводство — любому самому ничтожному, но это не относится к высшей власти. Так что ни в одной из этих трех составляющих величие высшей власти не может проявиться ярче, чем при назначении магистратов, которое относится к полномочиям только или правителя, или народа, или оптиматов соответственно устройству данной гражданской общины. Но еще больше к высшей власти относится постановлять и отменять законы, объявлять и прекращать войну, обладать правом утверждения приговора в последней инстанции и, наконец, правом даровать жизнь и награждать. Если согласиться с тем, что Аристотель пожелал определить не высшую власть, а способ управления государством, тогда придется также признать, что он нигде не дает определения ни высшей власти, ни государственного устройства вообще, ибо последнее и определяется по первой⁵⁷.

Само же управление государством, которое проявляется в самых разных вещах, пожалуй, короче и удобнее описать через декреты, эдикты и их исполнение; четвертого не дано, и этими тремя <вещами> охватываются все обязанности, властные полномочия, <деятельность> магистратов и обладателей почетных должностей в государстве. Например, сенат выносит решение о войне, правитель объявляет ее, воины исполняют. Так и в судах: частные и третейские судьи⁵⁸ выносят решение, магистраты отдают <соответствующее> распоряжение, аппаратеры⁵⁹ исполняют. Часто это делается одним и тем же <лицом>. Следовательно, когда магистраты выносят и объявляют решения, то эдикты, называемые латинянами *jussa* (постановления) и *imperia* (предписания)⁶⁰, не могут означать *κύριον πολιτεύμα*, не говоря уже о декретах и их исполнении, в чем и состоит судопроизводство.

Поскольку это так, нам следует найти, если только это возможно, более надежные и более обоснованные аргументы, чем вышеприведенные. Итак, я утверждаю, что семья или сообщество людей являются истинным образом государства и так же как семья не может состоять из одного человека, так и государство — из одной семьи или одного сообщества. Ибо когда некоторое

число людей живет под одной крышей, где один не повинуетя другому или не повелевает другим, либо один — всеми или немногие — всеми, либо все в целом — каждым, то семья (или сообщество) не сможет существовать и сохранять себя без власти одного из ее членов. Если же, напротив, несколько <человек>, например, муж, жена, дети, слуги, или несколько сотоварищей объединяются под чьей-либо личной властью или властью домохозяина, тогда возникает семья или сообщество. *В сообществе должно быть хотя бы три человека, как говорит Нераций⁶¹ в разделе «Нераций...» титула «О значении слов»⁶², а в семье трое вместе с матерью должны подчиняться власти отца семейства⁶³, как утверждал Ульпиан⁶⁴ в разделе «Торжественное заявление»⁶⁵ титула «О значении слов». Если соединить его слова с высказыванием Апулея⁶⁶, который пишет, что «пятнадцать человек есть народ»⁶⁷, то есть пять сообществ или три семьи (ведь семью образуют пять человек, а сообщество — три), тогда из этого следует, что три⁶⁸ семьи или больше <либо> пять сообществ или больше составляют государство⁶⁹, если они при этом объединены законной властью. Когда же семьи или сообщества разъединены и не сдерживаются никакой властью, это должно называться *ἀναρχία*, а не «государство»; не имеет значения, пребывают ли семьи в одном месте или они разбросаны по разным местам. И семью считают одной семьей, даже если ее глава живет отдельно от детей и слуг или те отделены друг от друга расстоянием; надо только, чтобы их объединяла законная и ограниченная власть отца семейства. Я сказал «ограниченная», поскольку это сильно отличает семью от государства, ибо оно обладает высшей и публичной властью, а в семье она ограниченная и частная. Так и государство называют единым государством, собранным из нескольких семей⁷⁰, даже если они рассеяны по разным местам, только они должны находиться под опекой одной и той же власти, правит ли всеми один, или все в целом каждым, или немногие всеми. Из этого следует, что государство является не чем иным, как множеством семей или сообществ, подчиненных одной и той же власти; гражданин же пользуется общей <для всех> свободой и защитой со стороны власти.*

Туллий <Цицерон>⁷¹ определяет государство как множество людей, объединенное ради благой жизни⁷², то есть он указывает на высшую цель государства, а не на его сущность и природу. По сути, такое определение можно скорее отнести к сообществам пифагорейцев⁷³ и тех, кто объединяется вместе, чтобы жить благой жизнью, однако <подобные союзы> нельзя называть государствами, иначе произойдет великое смешение <понятий> «государство» и «сообщество». Кроме того, есть также семьи скверных людей, и их не меньше, чем хороших, поскольку зло присуще человеку в той же степени, что и добро. Такой же приговор можно вынести и государству. Кто усомнится в

том, что все величайшие империи были созданы разбойниками посредством насилия?

Так вот, приводимое нами определение государства относится к селениям, городам, гражданским общинам и княжествам, как бы широко они ни простирались; главное, чтобы они подчинялись одной власти. Ведь государство определяется не тем, насколько мала или велика его территория. Как муравей⁷⁴ не в меньшей степени животное, что и слон, поскольку оба обладают способностью двигаться и ощущать⁷⁵, так и Рагусия⁷⁶ или Генева⁷⁷, власть которых практически не выходит за их крепостные стены, заслуживают названия «государство» не в меньшей мере, что и империи тартар⁷⁸, охватывающие все страны, по которым пролегает путь Солнца⁷⁹.

Абсурдно также сказанное Аристотелем, что слишком большое множество людей⁸⁰, каким был Вавилон⁸¹, является племенем (gens), а не государством⁸². Ведь у племен нет никакой общей власти и даже никакого закона; вавилонян же удерживали вместе не только одни и те же правители, магистраты и законы, но также и стены. Что же тогда государство, если не это? Но кажется менее ясным то, что Цицерон в одном месте⁸³ определяет государство как «соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов»⁸⁴. Если это принять, тогда <чтобы было государство> недостаточно объединения граждан под одной и той же властью без одних и тех же законов. Впрочем, было бы абсурдно <полагать>, что империя турок, включающая народы, не связанные между собой никакой общностью права, не является государством, хотя их объединяют одни и те же магистратуры и власти. Она, значит, будет государством или анархией; не одно, так другое.

Из этого следует, что государство определяется единой властью, гражданская община — властью и правом, тогда как город удерживает своих граждан благодаря не только одним и тем же правителям и законам, но и стенам. Итак, город включает в себя кварталы, гражданская община — паги⁸⁵, а иногда даже города и крепости, связанные <с ней> только общностью права, а княжества и династии⁸⁶ (мы можем использовать это слово) — несколько общин, наконец, государство, словно родовое понятие, — их все. Так, Цезарь⁸⁷ сказал, что «вся гельветская община⁸⁸ разделена на четыре пага»⁸⁹, а Цицерон — что муниципий Тускул⁹⁰ входит в состав римской гражданской общины⁹¹. Иначе у Бартола⁹², который ограничил гражданскую общину городскими стенами <в комментарии> на раздел «Значение выражения “в городе”...» титула «О значении слов и вещей»⁹³. <В комментарии> же на закон о муниципалах он назвал их категорией граждан⁹⁴, не приведя никакого доказательства и не сославшись на чье-либо мнение. Зато в «Ливийской войне» Аппиана⁹⁵ Цензорин⁹⁶ ответил посланникам карфагенян, что хотя он унич-

тожит их город, однако сохранит гражданскую общину Карфагена⁹⁷ и граждан, пользующихся своими законами, как пообещали римляне, и что община как таковая не определяется стенами или территорией⁹⁸.

Следовательно, подобно тому как связь между обитателями одного и того же квартала больше, чем между жителями города, так и связь между жителями одного города сильнее, чем между членами <всей> гражданской общины, поскольку у граждан общие не только правители, суды, законы и установления, но также присущие городу как таковому своя стража, форум, храмы, портики, дороги, театры, жертвоприношения, дружеские и деловые связи между многими людьми.

Так, когда Римское государство в составе трех тысяч альбанцев⁹⁹ пустило корни на одном небольшом участке земли¹⁰⁰, оно сначала поглотило антематов¹⁰¹, камеринов¹⁰², крустуминов¹⁰³ и сабинов¹⁰⁴, а затем также побежденных альбанцев, одним даровав права гражданства, а другим предоставив свои земли и свои стены¹⁰⁵. Когда же оно победило в войне тускуланцев¹⁰⁶, эквов¹⁰⁷, вольсков¹⁰⁸ и герников¹⁰⁹, то из-за недостатка места не допустило их в Город или к <общественной> земле римлян, но приняло их в свой состав и разрешило им, сохранив в неприкосновенности собственные законы, получать почести и магистратуры¹¹⁰. Звались они гражданами, как и другие, на самом же деле были муниципалами, тогда как живущих на римской земле более точно называли квиритами¹¹¹; их положение было лучше. Вот почему М<арк> Скавр¹¹² сказал деду Цицерона, который предпочитал жить в Арпине¹¹³, а не в Риме: «О, если бы ты, М<арк> Цицерон, при такой силе духа и добродетели, пожелал бы жить главными делами государства, а не муниципальными»¹¹⁴! Его внук, оратор, не только поселился в Городе, но даже приобрел дом стоимостью пятьдесят тысяч золотых¹¹⁵; тем не менее недоброжелатели называли его «новым человеком» (*homo novus*)¹¹⁶ и «пeregрином»¹¹⁷: «новым» — ибо он первым из своего рода достиг почестей (его же сына¹¹⁸ — уже «нобилем», так как отец был «новым человеком»), «пeregрином» презрительно — потому, что он родился в Арпине, а не на римской земле.

Из этого следует, что у латинян граждане назывались различно и граждане Рима находились в лучшем положении, чем граждане колоний, ибо последние, хотя у них были те же самые законы, обычаи и магистратуры, что и у первых, не могли пользоваться теми же самыми землями и Городом, который манил блеском власти и свободой от повинностей¹¹⁹; муниципии же долгое время оставались в худшем положении, чем колонии¹²⁰, чьи <жители обладали> преимуществом римского происхождения и римской крови¹²¹. Действительно, право колоний предоставлялось муниципиям как милость вплоть до времен Тиберия¹²², когда они добровольно от него отказались, предпочтя пользоваться своими, а не римскими законами и обычаями¹²³, как

это сказано у Геллия¹²⁴. Таким образом, это были граждане одного и того же государства, но не одной и той же гражданской общины. Следовательно, мы должны толковать Юлиев закон¹²⁵, по которому римляне в результате Союзнической войны¹²⁶ предоставили гражданство всем союзникам¹²⁷, не в том смысле, что раньше они не были гражданами, ибо все подчинялись одним и тем же властям, а в том, что они не могли притязать на почести¹²⁸. Позже это право стали давать всем италийцам. Затем колонии, которые Ульпиан включил в титул «О цензах», получили италийское право¹²⁹. Остальные народы частью были податными (их перечисляет Плиний¹³⁰), хотя на короткое время что-то кому-то прощалось; частью — свободными, формально сохранявшими собственное государство, как у нас¹³¹ альбии¹³², мельды¹³³, битуриги¹³⁴, сантоны¹³⁵, тарбеллы¹³⁶, арверны¹³⁷, нервии¹³⁸, веруны¹³⁹ ульбанекты¹⁴⁰, у греков афиняне¹⁴¹, лакедемоняне¹⁴², фессалоникийцы¹⁴³, затем также вся Ахайя¹⁴⁴ по милости Нерона¹⁴⁵; частью — свободными и союзными, которые имели почетное гражданство, как массилийцы¹⁴⁶, эдуи¹⁴⁷, ремы¹⁴⁸, кавратаны¹⁴⁹, однако на самом деле они не являлись гражданами¹⁵⁰, поскольку не подчинялись римским властям, то есть пользовались полным правом на свободу и податным иммунитетом. Сенека¹⁵¹ говорит, что Рим, «возвратив ахейцам¹⁵², родосцам¹⁵³ и многим славным городам их неприкосновенное право и свободу с податным иммунитетом, сам платил дань евнухам» Марка Антония¹⁵⁴. А Плиний¹⁵⁵ <рассказывает> в Книге X, письмо 6, как он добился для своего слуги египтянина александрийского и римского гражданства¹⁵⁶. Ливий¹⁵⁷ же в Книге XXIV¹⁵⁸ пишет, что поскольку те, кто были выведены в качестве «колонистов в Путеолы¹⁵⁹, Салерн¹⁶⁰ и Буксент¹⁶¹, стали и о себе утверждать, будто они римские граждане, сенат рассудил, что это не так»¹⁶², то есть у них не было права голосовать <в народном собрании> и притязать на почести; ничего важнее и лучше этого не могло быть даровано гражданину. Это не означает, что они не были гражданами, в противном случае пришлось бы признать, что они являлись паломниками. То же сообщает Боэций¹⁶³, передавая слова Цицерона: «Римские граждане претерпевали умеренное ограничение гражданских прав, когда переселялись в латинские колонии, и лишались гражданства»¹⁶⁴, то есть муниципалы и колонисты утрачивали право голосовать, жить в Городе, участвовать в жертвоприношениях, быть приписанным к трибе, однако сохраняли право на почести, магистратуры, сословие, нексум¹⁶⁵, право приобретать собственность, завещать ее, вступать в законный брак, но в разной степени. Ибо, если бы все жили по единому праву¹⁶⁶, никто не считался бы гражданином, за исключением рожденных в Риме от свободных родителей. Однако везде у Ливия и других писателей гражданами называются как те, кто обладал правом квиритов, что имело гораздо более узкий смысл, так и те, кто пользовался или правом муниципалов, или латинским

правом, или правом латинских колоний, которые в правовом отношении были ниже римских колоний, или италийским правом, которое тоже было разным в Италии и в провинциях, что ясно видно в титуле «О цензах»¹⁶⁷.

Действительно, если название «гражданин» распространяется на всех, <тогда> неверна дефиниция, которая определяет всех граждан по праву претендовать на почетные должности, участвовать в выборах, принимать решения, отправлять правосудие и быть освобожденным от налогов. Прежде всего Юлиев закон о гражданстве даровал его всем союзникам, а закон Антонина Пия «О положении людей», сформулированный в таких словах: «Все люди, находящиеся в пределах Римской державы, являются римскими гражданами»¹⁶⁸, предоставил гражданство не только союзникам, но и всем провинциям, однако он не приравнял, как многие неверно считают, ни провинциалов к италийцам, ни <жителей> префектур¹⁶⁹ Италии к муниципалам, ни муниципалов италийцев к муниципалам латинянам, ни муниципалов латинян к колонистам латинянам, ни латинских колонистов к римским колонистам, ни римских колонистов к квиристам, ни квиристов к римлянам. Зачем тогда юристы <более позднего времени> с такой тщательностью толковали римское, италийское и муниципальное право? Ведь Сцевола¹⁷⁰, Папиниан¹⁷¹, Павел¹⁷², Гермогениан¹⁷³, Марцелл¹⁷⁴, Модестин¹⁷⁵ делали это после Антонина Пия, который предложил такой закон; Онуфрий¹⁷⁶ же ошибочно¹⁷⁷ приписывает его Антонину Каракалле¹⁷⁸, как видно из <конституции> LXXVIII¹⁷⁹ «Подлинных»¹⁸⁰. Можно считать неверным¹⁸¹ и написанное Дионом, что Север предоставил александрийцам возможность быть сенаторами¹⁸².

Что же, спросит кто-нибудь, было даровано союзникам Юлиевым законом, если они уже пользовались свободой и защитой <римской> власти? Почему же они так долго вели войны, чтобы добиться права гражданства? Разумеется, для того, чтобы иметь возможность получать почетные должности и подавать голос в комициях. Это право, <даваемое> римским гражданством, называли наилучшим. Одним было позволено добиваться почестей, но не голосовать; другие не могли ни того, ни другого, однако пользовались частным правом римлян, которого третьи были лишены, хотя и освобождались от податей. Прочие права остальных разъяснены юристами, и их было бы долго пересказывать.

Правда, по закону Антонина даже все провинциалы римского происхождения обрели знатность, как пишет Юстиниан¹⁸³, так что после этого все они подлежали суду магистратов, прежде же гражданин посредством добровольной апелляции избавлялся от всякого судебного разбирательства у презеса¹⁸⁴. Ведь когда Св. Павел¹⁸⁵, чей отец купил право гражданства¹⁸⁶, обратился за правосудием к цезарю по делу, которое наказывалось смертной казнью¹⁸⁷, Феликс¹⁸⁸, презес Сирии¹⁸⁹, сказал: «Можно было бы освободить

этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря»¹⁹⁰. А Плиний Младший пишет Траяну¹⁹¹ о христианах¹⁹²: «...тех, кто были гражданами, я внес в список подлежащих отправке в Рим»¹⁹³. Такое различие между гражданами мы найдем не только в Римском государстве, но и повсюду. В одних и тех же стенах Рима были патриции, всадники, плебеи; у древних египтян, как пишет Диодор¹⁹⁴, — жрецы, воины, ремесленники¹⁹⁵; у наших предков — друиды¹⁹⁶, всадники¹⁹⁷, земледельцы¹⁹⁸, а ныне — священники, знатные, плебеи; у венецов — знатные¹⁹⁹, горожане, плебеи²⁰⁰; у флорентинцев в прошлом — гранды, популяры, плебеи²⁰¹, популяры же <делились> на три класса: сильнейшие, рядовые и ничтожнейшие²⁰²; Платон тоже вводит стражей, воинов, земледельцев²⁰³. Все они везде отличались друг от друга в отношении права, законов, обязанностей, участия в выборах, почестей, привилегий, статуса, освобождения от повинностей или чего-то иного. Тем не менее все они — граждане государства, словно члены одного и того же тела. Действительно, прав Августин²⁰⁴, <говоря>: «Нога не скажет: “я — не глаз, поэтому я не принадлежу к телу”»²⁰⁵. Следовательно, должно казаться крайне абсурдным (не в обиду будет сказано Аристотелю), что такого рода граждане отчасти являются гражданами, отчасти перекриками, ведь у них должно быть свое собственное определение и свое собственное название.

Но еще непонятнее сказанное Цицероном, что никто не мог быть членом и своей гражданской общины, и римской²⁰⁶, но у греков это позволялось²⁰⁷. Однако я бы предположил, что у всех одно и то же правило и что слова Цицерона о людях с двойным гражданством <у греков> касаются почетных граждан. Так и <в речи> в защиту Корнелия Бальба²⁰⁸: «...и в более отдаленные времена многие римские граждане добровольно, не будучи ни осуждены, ни ограничены в правах, отказавшись от нашего гражданства, переселились в другие государства»²⁰⁹. И немного далее: «О, превосходные законы, <...> гласящие, что ни один из нас не может принадлежать более чем к одной гражданской общине <...>, что никто не должен против своей воли менять гражданство и не должен оставаться гражданином против своей воли!»²¹⁰. Гермогениан, согласно разделу «Гражданином муниципия...» титула «О гражданах муниципия», толкует этот <вопрос> таким образом, что <муниципал> может быть законным членом одной гражданской общины и почетным — другой²¹¹. В противном случае придется допустить, что один и тот же гражданин подчиняется одновременно и постоянно различным властям и законам, что было бы абсурдно. Что же ему делать, если один приказывает, а другой запрещает? Поэтому свидетельство Ульпиана по поводу закона о муниципиях, что освобожденный может стать членом двух гражданских общин²¹², следует понимать, исходя из такого толкования. Когда же одна гражданская община находилась под властью другой, как некогда пре-

фектуры, колонии, форумы²¹³, концилибулы²¹⁴, муниципии и провинции управлялись Римом, каждый был вынужден подчиняться решениям своих сограждан, однако без ущерба верховенству римской власти, как и члены братства следуют его установлениям, не нанося вреда прерогативам государства, *исходя из древнего закона Солона, который приводится в последнем разделе титула «О коллегиях»*²¹⁵.

То, что разрешалось римлянам, я думаю, разрешалось и другим народам: после утраты собственного гражданства они могут законным путем пользоваться другим, если только им его предоставляют. *Я исключаю англов, которые не осмеливаются без дозволения покидать свою страну*²¹⁶, как я узнал от самого комита Ротеланда²¹⁷, прославленного не только знатностью рода и богатствами, но также и добродетелью. Чтобы стать бенефициарием²¹⁸ или вассалом, действительно, необходимо родиться в этом состоянии, или же, когда хотят дать клятву верности другому <сеньору>, требуется согласие того, кто повелевает, и того, кто повинуется; подобным образом, чтобы стать гражданином, достаточно, чтобы <человек> принимал власть того, во владениях которого он был рожден (а он принимает, если открыто ей не противится), или, если он переселяется в другое место, ему необходимо, прежде чем он назовется гражданином, подчиниться власти другого и быть под нее принятым. Когда же это произойдет, он уже не может вернуться назад по праву постлиминия²¹⁹, ибо он стал членом другой гражданской общины и peregrinum для своей <прежней>, как, помню, было решено в курии паризиев²²⁰. Вот почему по делу Манцина²²¹, выданного врагу, но им отвергнутого²²², постановили, что он не перестал быть гражданином²²³, однако плебейский трибун²²⁴ приказал вывести его из сената как peregrinum²²⁵.

Следовательно, мы будем отличать peregrinos от граждан главным образом исходя из того, что последние или повинуются властям <своей> родины, или подчиняются другой власти и приняты <ею в подданство>, а первые не повинуются властям <своего> отечества и не подчинились другим <властям> либо были <ими> отвергнуты. *Остальные — или федераты, или враги, или ни те и ни другие.* Так, Аппиан пишет, что видел в Риме послов разных племен, которые предлагали отдать себя и то, чем владеют, во власть римлян, но получили от них отказ²²⁶. И хотя peregrini имеют такое же право на судебное разбирательство, как и граждане, по причине общности интересов, существующей между людьми, и хотя они многим вместе с ними полноправно пользуются — жилищем в городе, священными местами, форумом, дорогами, театрами, — ими не занимается никакая власть, только если они не замешаны в преступлении или не связаны договором; их нельзя принудить к исполнению обязанностей, если только там они не разместили свое имущество²²⁷, как пишут юристы²²⁸. Венеты требуют, чтобы peregrin про-

жил в городе четырнадцать лет, прежде чем стать гражданином²²⁹, однако он не имеет права избираться на должности, но может быть членом коллегий и пользуется защитой со стороны государственной власти. Граждане же — это те, кто подчиняются власти <своего> отечества, даже если они рождены от перегринов, о чем свидетельствуют обычаи и установления всех племен. Германцы идут еще дальше, допуская их [рожденных от перегринов] к почестям, в отличие от венетов, древних римлян и афинян, у которых гражданином считается только тот, у кого оба родителя — граждане, как это видно у Плутарха в <биографии> Перикла²³⁰, внесшего закон: «Афиняне только те, кто родился от афинян»²³¹, или у Ливия <в том месте>, где речь идет о тех, кто родился от римских граждан и испанских женщин²³². У нас тот, кто происходит от родителей-чужеземцев, является гражданином с равными правами, как если бы он был рожден от граждан, и может свободно пользоваться имуществом <своих> родителей-чужеземцев (если же они не обзавелись законными детьми в самой Галлии, оно переходит в государственную казну не только по нашим законам²³³, но и по законам британцев²³⁴ и турок²³⁵). Огромную важность и значение имеет также то, что при угрозе войны чужеземцы по праву всех народов²³⁶ могут быть изгнаны, граждане же защищены законом от захватчиков <их> имущества. Однако говорят, что цари абиссинцев²³⁷ и московитов, вопреки праву народов, удерживают чужеземцев против их воли, хотя и обращаются с ними достойно²³⁸. Мы более подробно разобрали это в книге «О декретах»²³⁹. Из чего должно быть ясно, что определение гражданина, предложенное Аристотелем и одобренное Контареном, Сигонием, Гаримбертом и Содеринио²⁴⁰, совершенно безосновательно.

Но чтобы устранить всякую двусмысленность, можно посмотреть, создают ли гражданские общины путем договора между собой одно государство, например, общины гельветов и балтийские города. По их поводу Леандр Муций²⁴¹ и многие <другие> не раз высказывали свое мнение: общины гельветов, полагали они, объединены между собой теснейшим союзом, кроме того, у них общие собрания²⁴², крепость Баден²⁴³ и немалое число совместно управляемых мест, куда они посылают общих магистратов²⁴⁴. Однако взаимные торговые отношения, соблюдение принятых на себя обязательств, брачное право и право гостеприимства²⁴⁵ и, наконец, крепкие дружеские связи не могут создать единое государство²⁴⁶ (иначе тогда у галлов и испанцев, между которыми так много общего, было бы одно государство). Для этого нет оснований, даже если <гельветы> пользуются одними и теми же законами, как некогда римляне, принявшие законы греков²⁴⁷, и даже если между ними такие крепкие союзнические отношения, что они воюют против одних и тех же врагов и имеют одних и тех же друзей, как это часто случается при высочайшем доверии и взаимопонимании между правителями.

Следовательно, остается объединение и связь посредством власти, о которых я говорил. Правда, тринадцать общин гельветов²⁴⁸, три ретов²⁴⁹ и семьдесят балтийских²⁵⁰ скрепили <свои> союзы законами, обязывающими не наносить вред друг другу, а при <угрозе> общей гибели сообща воевать с заклятыми врагами²⁵¹. Однако здесь нет никакого объединения, никакой связи посредством власти. Такой же союз существовал между семью городами амфикиононов²⁵², тремя — этолийцев²⁵³, двенадцатью — ионийцев²⁵⁴, которые проводили некие совместные собрания по поводу того, чтобы защитить свои <владения> и отразить врагов, но по способу отправления власти каждая община отличалась от другой. Так и отдельные общины гельветов, которые если и подчиняются решениям других, то только при добровольном согласии, как <это происходит> при заключении договоров между частными лицами. При одной и той же власти то, что угодно многим, обязательно для всех.

Иное следует сказать о сорока семи общинах латинян²⁵⁵, двенадцати — ахейцев²⁵⁶, стольких же — этрусков²⁵⁷ и об имперских городах и провинциях германцев, которые образуют государство, поскольку подчинены одной и той же власти и одному и тому же императору²⁵⁸. Так, ахейцы, латиняне, этруски назначали императора на один год (иногда, однако, продлевали <его> власть на больший срок)²⁵⁹, а германцы — пожизненно²⁶⁰. И подобно тому, как ахейцы, по свидетельству Плутарха и Полибия, избрали некогда императорами обоих Филиппов и Антигона²⁶¹, царей Македонии²⁶², так и латиняне поставили императорами Сервия Туллия²⁶³ и Тарквиния Гордого²⁶⁴, а этруски²⁶⁵ — Кориолана²⁶⁶, о чем пишет Дионисий²⁶⁷. Таким же образом императорами германцев стали испанские²⁶⁸ и галльские короли²⁶⁹. Свевский же союз, заключенный на сорок лет²⁷⁰, и союз балтийских городов²⁷¹ отличаются от гельветского только тем, что первые были созданы на время, а последний — навечно, но без ущерба для верховенства Германского государства.

Иногда также бывают священные союзы²⁷², при которых гражданские общины не только соблюдают обязательства дружбы, но и хранят верность князьям, однако при этом не берут на себя никаких других обязательств и им нельзя ничего другого приказать. Так, Траект²⁷³, лигии²⁷⁴, Гвельдрия²⁷⁵, Констанция²⁷⁶, Камерак²⁷⁷ поручились своей честью <быть верными> австрийским дуксам, а многие другие <города> в Германии — дуксам и комитам, но, как и большинство вассалов, они не принимают никаких других обязательств²⁷⁸. *Это то же самое, о чем говорили древние латиняне: «...пусть они²⁷⁹ тщательно оберегают верховенство римского народа»²⁸⁰, и что разъясняют Модестин, согласно разделу «Я не сомневаюсь...» титула «О пленных»²⁸¹, и Цицерон в «Речи в защиту Бальба». По словам последнего, это означает, что тот, <кто обязуется чтить верховенство римского народа>, занимает в союзе более низкое положение²⁸². Ибо одна гражданская община, пишет Тул-*

лий, может объединяться с другой «союзом, дружбой, торжественным обязательством, соглашением, союзным договором»²⁸³. Можно не продолжать — все, о чем мы сказали, было подтверждено убедительнейшими суждениями императоров и королей. Ведь когда союзники объявили войну тигуринам²⁸⁴ за то, что те заключили соглашение с австрийцами, тигурины объяснили, что позволили себе это, поставив <в том договоре> условие, что им ничего не придется совершать против союзников²⁸⁵. Но никто не сомневается, что австрийцы были общими и к тому же смертельными врагами гельветов²⁸⁶. Поэтому тигуринская война завершилась после того, как понтифики Басилеи²⁸⁷ и Констанции²⁸⁸ расстроили союз тигуринов с австрийцами, потому что те обманом обошли договоры, ибо должны были соблюдать соглашения не с другими <государствами>, а со своими союзниками²⁸⁹. И нет лучшего доказательства этому, чем <случай с> землями врагов, захваченных бернатами²⁹⁰: союзные общины требовали, что необходимо разделить добычу поровну, <но> король галлов Франциск <I>²⁹¹, избранный третейским судьей, рассудил, что <эти земли> должны быть собственностью тех общин, которые добыли ее своим оружием, а не оружием союзников²⁹², как написал Леандер Муций²⁹³. Наконец, когда недавно гларцы²⁹⁴ отреклись от прежней веры, началась великая распря между союзниками, так как другие общины считали, что нельзя нарушать договоры, заключенные во время священной войны, которые незыблемейше гарантировали, что отныне не будет позволено отступать от принятой веры. Гларцы <же> отрицали, что эти договоры могли принудить их действовать вопреки Божественному закону, тем более потомков <тех, кто их заключил>. Уже казалось, что дело дойдет до оружия, <и это произошло бы>, если бы по совету благоразумных мужей они не согласились с тем, что у каждого будет своя вера и своя власть²⁹⁵.

Бывают также случаи, когда верховные правители²⁹⁶ и короли объединяются на основе столь тесных между собой союзов и дружбы, что имеют одних и тех же врагов и друзей и должны сообща защищать <друг друга> оружием и людьми от всех без исключения; <им> нельзя вступать в какой-либо союз или дружбу без согласия другой стороны; эти договоры связывают обязательствами не только самих <участников> и их <подданных>, но и их потомков. Такой характер носят договоры Филиппа Августа²⁹⁷ с Альбертом²⁹⁸, королем римлян²⁹⁹, и Лудовика IX³⁰⁰ с Альфонсом³⁰¹, королем Кастилии³⁰². Еще более важен договор, заключенный между Карлом V, королем Галлии³⁰³, и Генриком, правителем Кастилии³⁰⁴, по которому последний признал вышеназванного Карла <своим> господином³⁰⁵. Эти соглашения, как и все древние документы галлов, переписанные с подлинников в архиве, показал мне мой коллега Карл Викин, муж, весьма прославленный своей образованностью и честностью³⁰⁶.

Следовательно, единое государство создают не договоры, не торговые отношения, не права, не законы, не религии различных гражданских общин, а единая власть. Так, испанский король владеет империей, огромной по числу провинций и по протяженности территорий: отдельные провинции включают многочисленные гражданские общины, различающиеся законами и обычаями, а каждая община — несколько деревень, городов, укрепленных мест, крепостей, которые пользуются одним и тем же правом; <тем не менее> нет ни одного укрепленного места, где не было бы чего-то особенного, чего нет у других (я не касаюсь частных владений какой-нибудь корпорации). Однако есть законы государства, общие для всех, которые сплачивают воедино множество народов, столь различных по языкам, нравам и географическому положению, под верховенством одного и того же правителя. Такое же суждение надо вынести об остальных <государствах>.

С другой стороны, царства, империи, тирании, республики объединяет не что иное, как власть разума³⁰⁷ и общее право народов³⁰⁸. Отсюда следует, что наш мир — это как бы некая гражданская община³⁰⁹, а все люди неким образом связаны одним и тем же правом³¹⁰ и понимают, что они одной крови и находятся все под общей защитой разума³¹¹. Но в действительности, поскольку эта власть разума никого не принуждает³¹², невозможно создать единое государство из всех племен³¹³. Так что правители либо прибегают к оружию, либо используют договоры или доброе расположение друг к другу, чтобы совершать за пределами <своего> государства то, что было законным образом одобрено и постановлено³¹⁴.

Что есть магистрат. — Растолковав понятие «гражданин», мы должны определить также понятие «магистрат». Ведь оба они — первоначала гражданской общины. Аристотель определяет магистрата через право отдавать приказы, отправлять правосудие и рассматривать государственные дела³¹⁵, но в конечном итоге называет магистратурами все государственные должности³¹⁶. В первом случае почти никто не был бы магистратом, ибо число причастных к законосовещательной, судебной и исполнительной власти весьма ограничено. Кажется также абсурдным присваивать название «магистрат» всем тем, кто отправляет общественные обязанности; иначе придется именовать магистратами писцов, ликторов³¹⁷, корникуляриев³¹⁸, аппаратиров³¹⁹ и даже палачей, которые некогда имели статус рабов³²⁰ и должны бы скорее называться служителями. Слово же «магистратура» означает властные полномочия и исполнительную власть³²¹. Так, диктатор, самый высший магистрат из всех³²², именовался «магистр народа»³²³. По этому поводу произошел серьезный спор между Эхином³²⁴ и Демосфеном³²⁵: Эхин говорил, что *τεῖχοποιοῦς* (распорядитель при постройке стен) — магистрат³²⁶, а Демосфен не соглашался и называл эту обязанность *ἐπιπέλειά τις καὶ διακονία* (поручение

и служба), магистрата же он определял по исполнительной власти³²⁷. Более обстоятельно это было рассмотрено нами в книге «О власти»³²⁸.

Следовательно, магистратом должен быть тот, кто причастен к публичной власти (*imperiū*). Я добавил «публичной», чтобы отличить <ее> от власти отца и господина³²⁹. Власть магистрата проявляется не иначе, как через эдикт³³⁰, правителя — через закон³³¹. Но напрасно что-либо постановлять, если за постановлением не следует исполнение. Поскольку же наименьшая доля власти против нарушителей закона заключается в их задержании, то, по правилу Варрона³³² и Ульпиана³³³, тот, кто лишен права задерживать, лишен и власти. Поэтому почти во всех гражданских общинах задержание доверяют самым низшим магистратам, даже тем, у кого нет права вызывать <в суд>, как у плебейских трибунов, хотя они довольно часто злоупотребляли полномочиями (*potestas*) и привлекали к суду³³⁴. У венетов три мужа-защитника³³⁵ имеют право задерживать и обвинять виновных, но не вызывать в суд³³⁶. У нас же право задержания предоставлено не только всем судьям, но еще и тем, кого называют комиссарами крепости, однако они не имеют права судить³³⁷. Те, у кого больше власти, могут также вызывать в суд и налагать штраф в пределах своих полномочий ради поддержания собственной юрисдикции, которая в противном случае была бы ничтожной; присуждать штраф могут даже судьи, обладающие самой малой судебной властью, которую мы называем предиадорской³³⁸. Другим дозволяется <налагать> более высокий штраф, некоторым — приговаривать к плетям, иным — даже пыточный допрос. Высшая ступень — когда дается право меча³³⁹, в котором, по мнению юристов, выражалась неограниченная власть³⁴⁰, ведь ничего большего не может быть предоставлено магистрату, кроме, пожалуй, высшей власти, то есть права жизни и смерти, которое проявляется в акте высшего милосердия или суровости вне пределов законов; такое милосердие и суровость — достояние тех, кто обладает высшей властью в государстве. Таким образом, власть магистратов как бы крайними пределами ограничена правом меча и правом задержания; она часто имеет основу, отличную от судебной. Первая заключается в эдиктах, последняя — в декретах. Поэтому мы видим, что судьи по частным делам³⁴¹ и легаты магистратов³⁴² судят и выносят решения, магистраты же непосредственно приказывают и исполняют, но редко выносят приговор. Как и у нас верховные курии принимают судебные решения, а правитель сам отдает распоряжения. И поскольку Варрон приписывает одним магистратам право задерживать и <иметь> рассыльного³⁴³, другим — право вызывать в суд и <иметь> ликтора, а некоторым — ни того, ни другого³⁴⁴, то кажется, что он называет магистратами даже тех, кто лишен империя, таких как эдилы³⁴⁵ и квесторы³⁴⁶; я думаю, что это происходит из-за нечеткости широко распространенного обозначения.

Кто же назовет магистратом того, у кого нет помощника и кто не может что-либо приказывать? Это, правда, возможно в случае с обязанностями и почестями, но не с империем. Карл Сигоний и Николой Груккий³⁴⁷ ошибаются, когда считают, исходя из мнения Феста³⁴⁸, что им [магистратам] дается власть (potestas), а не империй³⁴⁹. Ведь это нужно измерять по правилам не грамматиков, а юристов, которые делают власть (potestas) равной, а иногда и большей, чем империй. Словом «власть» (potestas), говорит юрист Павел, обозначается империй у магистрата³⁵⁰. Действительно, <полномочия> проконсула³⁵¹, который один «наделен всеобъемлющей юрисдикцией» (ибо так <говорит> Ульпиан³⁵²) и правами всех городских магистратов³⁵³, обозначаются юристами как «власть» (potestas), согласно разделу «Империй...» титула «О юрисдикции»³⁵⁴. Александр Август³⁵⁵, по Лампридию³⁵⁶, сказал так: «Я не терплю торговцев <властными> полномочиями (potestates)»³⁵⁷. Поскольку в эдикте³⁵⁸ было определено, что нельзя привлекать к суду консула³⁵⁹, претора³⁶⁰ и остальных, кто обладает империем и властью (potestas)³⁶¹, нам нужно понимать под «остальными» провинциальных магистратов³⁶². Но если бы было правдой то, что они говорят, тогда нельзя было бы вызывать в суд эдилов и квесторов; обратное утверждает Варрон³⁶³, и примерами подтверждает Валерий Максим³⁶⁴. Словом, они были лишены и власти (potestas), и империя, хотя, согласно «Институциям» Юстиниана, эдилы пользовались частью судебных полномочий преторов³⁶⁵. Ошибочно также и то, что у цензоров³⁶⁶ была власть (potestas), но не было империя, как написал Сигоний³⁶⁷. Однако они имели право вызова любого человека в суд, а следовательно, и задержания, по правилу Варрона³⁶⁸, что уже относится к империи. Если бы у них не было империя, права вызова в суд и задержания, по какому бы праву они обнародовали эдикты (латиняне называют эдиктами приказания магистратов³⁶⁹), которые мы находим у Ливия в Книгах XL³⁷⁰ и XLIII³⁷¹ и у Зонары в Книге II³⁷²; по какому бы праву они включали сенаторов и всадников в <соответствующие> сословия или исключали при чтении списка³⁷³, вызывали граждан для оценки их имущества³⁷⁴, брали залогов³⁷⁵, проводили <заседания> сената³⁷⁶, собирали весь народ на люстр³⁷⁷? Ведь Варрон в Книге V «О латинском языке» отрицает, что претору позволено «созывать городское войско»; это разрешалось цензору, консулу, интеррексу³⁷⁸, диктатору³⁷⁹. Может на самом деле показаться абсурдным, что плебейские трибуны, которых называют низшими магистратами, обладали империем, тогда как, напротив, цензоры, высшие магистраты и те, кто избирался при высших ауспичиях³⁸⁰, его не имели.

Определение же Аристотелем магистрата по праву судить и принимать решения не имеет отношения к империи. Ведь те, кто управляют государством посредством мудрости, хотя и имеют право выносить приговоры, но не могут приказывать; судьбы же по частным делам и понтифика³⁸¹ могут и

судить, и выносить приговоры, но не приказывать³⁸², им не дано права вызывать в суд или задерживать, к тому же у них нет посыльного³⁸³ или ликтора³⁸⁴. «Понтифики, — говорит Цицерон в письме к Аттику³⁸⁵, — судьи относительно религии, сенат — относительно законов»³⁸⁶. Но сенат не мог приказать исполнить то, что постановил, как мы докажем с помощью Дионисия³⁸⁷, а понтифики вообще не имели никакой империя³⁸⁸, у них не было и рассыльного, а их приговоры исполняли преторы, как можно узнать <из рассказов> Ливия и Валерия о распутных и погасивших <священный> огонь весталках³⁸⁹. Так и у наших понтификов нет ни посыльного, ни ликтора, но они просят их у магистрата, или <сами> магистраты приводят в исполнение их смертные приговоры³⁹⁰, ибо, как это ни смешно, «нам не позволено предавать смерти никого»³⁹¹. Таковы слова иудеев³⁹², у которых, как пишут раввины, был отнят весь империй, а Иудея низведена до подобия провинции³⁹³ за сорок лет³⁹⁴ до второго разрушения Храма³⁹⁵; но по закону Моисея³⁹⁶ им это не запрещалось, как наши ошибочно полагают; *ведь только жрецам, легатам и их агнатам*³⁹⁷ дозволялось выносить смертные приговоры преступникам и производить суд по уголовным делам, как сообщают еврейские правоведы в книгах Талмуда³⁹⁸ в титуле «Санедрим» в главе 4³⁹⁹, и именно это халдейский толкователь Иеремии⁴⁰⁰ счел достойным отметить⁴⁰¹. Поэтому, поскольку муниципальные магистраты иудеев имели только право умеренно наказывать рабов, как пишет Ульпиан в разделе «Муниципальным магистратам...» титула «О юрисдикции»⁴⁰², иудеи ответили Публию Понтию, презесу Иудеи⁴⁰³, который очень хотел, чтобы Христос был ими легко наказан⁴⁰⁴, что по закону Моисея он совершил преступление, караемое смертью, но им не дозволено приговаривать кого-либо к смерти⁴⁰⁵. Из этого должно быть ясно, что приведенная нами в главе III классификация государственных обязанностей⁴⁰⁶ столь же верна, сколь и необходима.

Что есть высшая власть. — <Теперь> мы должны дать дефиницию высшей власти (*summum imperium*), которая определяет <характер> государственного устройства и которую Аристотель называет *κῦριον πολιτεῦμα* или *κυρία ἀρχή*⁴⁰⁷, итальянцы — *signoria*⁴⁰⁸, мы — *soveranitas*⁴⁰⁹, латиняне — высшим управлением государственными делами (*summa rerum*) и высшей властью (*summum imperium*)⁴¹⁰. Благодаря исчерпывающему определению проясняются многие темные и трудные вопросы, касающиеся государства; однако этим пренебрегли Аристотель и те, кто писали о нем. Я полагал <сначала>, что высшая власть определяется или правом назначать магистратов, или правом карать и вознаграждать, но поскольку различные наказания и поощрения обычно назначаются по воле магистратов и в силу их империя, из этого вытекало бы, что они осуществляют высшую власть совместно с правителем, а это абсурдно. Да и весьма опасно предоставлять магистрату

всю власть (*potestas*) в государстве, что Содерин обоснованно доказывает у Гвикардина⁴¹¹; ведь когда это стало нормой для Флоренции⁴¹², республика пришла к гибели⁴¹³. Подобным образом у ассирийцев⁴¹⁴ и у наших предков магистры дворца, однажды назначенные правителем, так долго держали в свои руках всю власть (*potestas*) в государстве, что в конце концов присвоили королевское достоинство⁴¹⁵. Следовательно, не будет хорошо устроенным государство, в котором весь империй отдадут магистрату.

Итак, сравнив мнения Аристотеля, Полибия, Дионисия и правоведов между собой и с тем, что было написано о государствах всех народов, я прихожу к мысли, что высшая <власть> в государстве заключается в пяти вещах⁴¹⁶: первая и важнейшая — назначать *высших* магистратов и определять полномочия каждого⁴¹⁷; вторая — издавать или отменять законы⁴¹⁸; третья — объявлять и заканчивать войну⁴¹⁹; четвертая — выносить конечное решение по жалобам на приговоры всех магистратов⁴²⁰ и последняя — <осуществлять> право жизни и смерти, когда сам закон не оставляет никакого места для снисхождения и милосердия⁴²¹. Однако эти <полномочия> никогда не предоставляются магистратам при организованной должным образом системе управления, разве что в чрезвычайном порядке под давлением необходимости. А если все же решения по таким делам принимает магистрат, то их утверждение остается в ведении либо правителя, либо народа соответственно устройству каждого государства. В то же время известно, что эти <права>, по мнению юристов⁴²², принадлежат правителю, и еще многое другое, как, например, право вводить налоги и подати⁴²³ и чеканить монету⁴²⁴, которым, по их словам, обладает он один⁴²⁵; впрочем, прежде такие <полномочия> часто давались магистратам, да и в наше время тоже. *Эти <вопросы> подробно рассмотрены нами в книге «О власти»⁴²⁶ в главе «О верховной власти» (*jus majestatis*). Но поскольку империй народа в демократическом государстве и оптиматов в аристократическом такой же, как у правителя в монархическом, следовательно, этими главными элементами империя также обладает и народ. Чтобы их яснее понять, необходимо разобрать вопрос, давно обсуждавшийся, но еще не решенный юристами⁴²⁷, а именно: обладает ли магистрат чистым империем (*merum imperium*) или же он принадлежит одному лишь правителю. Решая как раз этот вопрос, император Генрик VII⁴²⁸, избранный в Бононии⁴²⁹ третейским судьей между Лотарием⁴³⁰ и Азоном⁴³¹ в споре, залогом которого был конь⁴³², рассудил, что чистый империй принадлежит единственно правителю⁴³³; поэтому и говорят, что Лотарий получил коня, а Азон — справедливость⁴³⁴. Все другие, кто об этом писали, за исключением Алькиата⁴³⁵ и Молинея⁴³⁶, рассудили, что мнение Азона было более верным⁴³⁷.*

Но этот вопрос следует перевести из гипотезы в тезис⁴³⁸, чтобы лучше понять его. Чистый империй заключается в одном праве меча; ведь так его

толкуют⁴³⁹, исходя из самого Ульпиана⁴⁴⁰. Однако необходимо выяснить, остается ли империй, вверенный правителем магистрату, — будь то право меча или ведения войны, или заключения мира, или назначения магистратов, или издания законов, или вознаграждения и наказания — в руках правителя либо переходит к магистрату? <По этому вопросу> у всех единое мнение. Лотарий взял правило Папиниана из <титула> «Об обязанностях того, кому делегирована юрисдикция», согласно которому «магистраты отправляют функции государственного суда», но не могут передать <эти функции кому-либо>⁴⁴¹, и их чаще называют исполнителями (executores) или распорядителями (administratores) при отправлении правосудия⁴⁴². Аккурсий⁴⁴³ пишет так: «...право — у правителя, у остальных — <его> исполнение»⁴⁴⁴, которое лежит в сфере практики, <а не права>⁴⁴⁵. Азон растолковал слова закона, что претор делает что-либо «на основании собственного империя»⁴⁴⁶, что «презес <провинции>⁴⁴⁷ обладает самым большим империем после правителя»⁴⁴⁸, а «префект Египта⁴⁴⁹ слагает империй, который был ему дан»⁴⁵⁰, как <слова>, относящиеся к праву по необходимости⁴⁵¹. Такова сумма приведенных всеми толкователями доказательств, которые, однако, не решают вопрос, а делают его все более и более запутанным. И не только этот, но и бесконечное число <других> вопросов о праве пребывает в большой неясности, поскольку до сих пор никто из толкователей не объяснил, какова разница между исполнением закона (legis actio)⁴⁵² и обязанностями судьи (judicis officium)⁴⁵³. Да и в чем заключается исполнение закона, никто при столь великом множестве писателей, кажется, не раскрыл; что я и надеюсь кратко разъяснить, как и то, какова сила и значение и того, и другого⁴⁵⁴.

Теперь только то, что касается обсуждаемого вопроса. Есть две опоры всеобщего права — закон и справедливость, на которых крепятся исполнение закона и обязанности магистрата, и закон находится в том же самом отношении к его исполнению, как и справедливость — к обязанностям магистрата. И Папиниан, и Ульпиан⁴⁵⁵, и упомянутые юристы прежних веков⁴⁵⁶ считали так: все <полномочия>, предоставленные магистрату по закону, не могут быть переданы от него другому (ему надо лишь строго исполнять этот закон), и поэтому они принадлежат не столько ему, сколько самому закону, однако то, что оставлено на усмотрение его [магистрата] справедливости, он может доверить другому на основании своего права⁴⁵⁷. Например, преторы и судьи по государственным преступлениям не могли ни передавать империй другим (такой пример привел Папиниан⁴⁵⁸), ни отягчать, ни смягчать <требования> закона при судебном разбирательстве, ни что-либо добавлять, но выносили приговор одним словом, мало того, одной буквой, например, А — absolvo (оправдываю), С — condemno (осуждаю), N. L. — non liquet (не очевидно)⁴⁵⁹. И это было сделано, чтобы доброе имя, жизнь⁴⁶⁰, наконец, со-

стояние граждан зависели от решения не какого-нибудь человека, а самого закона.

Напротив, гражданские дела в силу того, что они были менее серьезными и не могли быть все охвачены законами (ведь их число бесконечно), оставили на решение городского претора или претора peregrinorum⁴⁶¹, которые при их рассмотрении не были связаны, словно путами, <необходимостью> исполнять закон, но сообразно своей справедливости и совести многое вне рамок закона и даже иногда вопреки ему решали, судили, назначали судей⁴⁶² и, наконец, посредством обнародования эдиктов улучшали, исправляли, смягчали законы или делали их более суровыми⁴⁶³. Как раз такую обязанность магистрата Бартол назвал благородной, а <строгое> исполнение закона — обязанностью наемной, точнее, рабской, поскольку она служила только закону⁴⁶⁴. Поэтому то, что делают судьи по частным делам или третейские судьи, назначенные по закону или делегированные, они делают, так сказать, скорее исполняя закон, чем в силу судейской обязанности. Ведь городской претор хотя и не был связан <необходимостью> исполнять закон, однако же обязывал к этому тяжущиеся стороны. Это не означает, что магистрат, который осуществляет предписания законов, не может исполнять обязанность <судьи>, просто говорить так не совсем точно, да и неверно. Тот же, кто на основании своего права обладает империем, юрисдикцией или еще чем-либо подобным, обладает ими всецело и «может поручать другому осуществление <юрисдикции>», как о том пишет Ульпиан⁴⁶⁵ в разделе «Обычаем предков...», в <титуле> «О юрисдикции»⁴⁶⁶. Но тот, кому дано поручение, как бы не может одолжить другому уже одолженную вещь, иначе это считается воровством⁴⁶⁷. Это справедливо по отношению не только к частному лицу⁴⁶⁸, но и к магистрату, который получил право суда от другого; он обладает «чужой <юрисдикцией>», как пишет Юлиан⁴⁶⁹ в титуле «Об обязанностях того, кому делегирована юрисдикция»⁴⁷⁰.

И поскольку многое предоставляется магистратам вне рамок закона, а многое охвачено законами, должно быть ясно, что то, чем они обладают по своему праву, приняв магистратуру, принадлежит им, остальное же — законам или тем, кто передал <им полномочия>. Из этого понятно, что преторы не имели ни чистого империя относительно государственных преступлений, ни права меча, у них было лишь право исполнять и применять закон в той же степени, что и у того ликтора, к которому Брут обратился со словами: «Ликтор, исполняй то, что велит закон!»⁴⁷¹.

Тот же, кто всегда в чрезвычайном порядке разбирал преступления, караемые смертной казнью, не был связан никакими путами и даже смягчал или отягчал наказание по своей воле, но не переходя меры, как написал Ульпиан в разделе «Ныне...», в <титуле> «О наказаниях»⁴⁷²; по этой причине он

обладал властью меча⁴⁷³. Подобным образом римские консулы, приняв войско, получали по праву магистратуры полномочия для ведения войны, так что по своей воле беспокоили или нападали на врага и по своему усмотрению руководили организацией снабжения и военной подготовкой, однако они не могли объявлять войну или прекращать ее⁴⁷⁴. Ведь первое было делом народа⁴⁷⁵, второе — плебса⁴⁷⁶. Вот почему выдали консулов, которые, не получив приказа, согласились на мир с самнитами⁴⁷⁷ и нумантийцами⁴⁷⁸. Вот почему войско гельветов, заключив договор с Трамулием⁴⁷⁹, взяло заложников, которые поплатились бы головой, если бы правитель не одобрил его⁴⁸⁰, ибо только правителю принадлежит право объявлять войну и прекращать ее. Так и Катон⁴⁸¹ призывал выдать галлам⁴⁸² Цезаря, ведь тот объявил им войну⁴⁸³, не получив разрешения⁴⁸⁴. Так что даже когда полководцу определенными законами и условиями дается право устанавливать мир или объявлять войну, что происходит в нарушение обычного порядка, он не может ни выйти за пределы данных ему полномочий, ни передать их другому, ибо не имеет такой возможности по праву магистратуры и империя; он лишь исполняет закон. Напротив, диктатор обладал в силу своей должности правом <объявлять> войну и мир, <даровать> жизнь, <приговаривать> к смерти и <управлять> всем государством, однако же временно⁴⁸⁵ и пока он диктатор государства⁴⁸⁶, который собственно исполнял не должность, а поручение⁴⁸⁷. И хотя империй — атрибут магистрата⁴⁸⁸, тем не менее никто не обладает магистратурой и почестями на основании своего права, но как бы хранит их, пока не истечет срок <его полномочий> или пока тот, кто <эти полномочия> дал, не потребует <их> обратно. Именно это Ульпиан имел в виду, когда говорил, что принятая магистратура слагаема⁴⁸⁹, и это смутило Алькиата⁴⁹⁰. Однако <полномочия>, которые вверяются магистрату или частному лицу на основании особого права⁴⁹¹ и во исполнение закона, отзываются после смерти правителя или того, кто <их> передал, если дело безущербно⁴⁹², как в случае с прокураторами⁴⁹³; <полномочия> же, относящиеся к праву магистратов, не отзываются. Но об этом подробнее и в своем месте. *Кстати, это было нами весьма обстоятельно разобрано в книге «О власти»⁴⁹⁴.*

Сложнее другой вопрос: нуждаются ли декреты сената в утверждении правителя или тех, кто занимает высшую должность в государстве? В отношении правителя меньше сомнений, ибо он — глава своего сената и совета, так что все декреты получают его утверждение; они не имели бы силы, если бы он сам не отдавал <соответствующего> распоряжения. *Потому что сенат не имеет ни империя, ни судебной власти, если только не проявляют снисходительность правитель или народ, когда не отвергают акты сената, тем самым как бы позволяя им вступить в силу. Но если есть что-то более серьезное, что касается верховной власти, это обычно передают в ведение*

правителя; мы пользуемся именно этим правом. Однако при правлении народа и оптиматов больше неясности, так как ни народ, ни все оптиматы не могут участвовать в обсуждении государственных дел, а если бы могли, то было бы пагубным и чреватым опасностью делом доверять самые важные решения толпе — они не могут быть утверждены, если <в них> не разобрались. И все же Дионисий подтверждает в Книге II, что так и было: «Ведь сенат римлян, — говорит он, — не повелитель (кiрiуc) того, что он постановил, таковым является народ»⁴⁹⁵. Поэтому у Ливия часто <встречаются слова>: «сенат постановил, народ повелел»⁴⁹⁶, а могущество (potestas) Сципиона Африканского он описывает так: «Сципион осеняет собой государство,ладычествующее над всем земным кругом, мановение его может заменить и постановления сената, и повеления народа»⁴⁹⁷. «Не могло быть нерушимым то, — говорит Цицерон, — чего не повелел (jussit)⁴⁹⁸ народ и плебс»⁴⁹⁹. Поэтому сенатусконсулты⁵⁰⁰ сохраняли силу закона не более одного года, вопреки мнению Конана⁵⁰¹; свидетель — тот же Дионисий⁵⁰² в Книге VII⁵⁰³. *То же было и у афинян, как пишет Демосфен в <речи> «Против Аристократа»*⁵⁰⁴. Они [сенатусконсулты] не накладывали никакие обязательства на народ или плебс⁵⁰⁵, как и эдикты магистратов, которые после закона Атерния могли присуждать только к небольшому штрафу⁵⁰⁶; наложение же более крупного штрафа и конфискация имущества производились по приговору плебса⁵⁰⁷, как видно у Ливия в Книге XXV⁵⁰⁸ и повсюду у Валерия⁵⁰⁹. Следовательно, поскольку только народу принадлежало право вводить в действие закон, ни приказы магистратов, ни декреты сената не назывались законами и значительно отличались от них как по размерам наказания за их нарушение, так и по своему значению и силе. Ведь при утверждении закона не только магистраты, но и весь народ клялся исполнять его, как пишет Аппиан в Книге I «Гражданских войн»⁵¹⁰. В Двенадцати таблицах⁵¹¹ и в священных законах⁵¹² было сказано, что «никто не мог быть освобожден от <исполнения> законов, кроме как по решению народа»⁵¹³. И так же как условия контракта не могут ограничивать государственное право, постановления коллегий⁵¹⁴ — муниципальные <правовые акты>, муниципальный закон — обычаи гражданских общин, гражданские общины — законы государства, так и частные лица не могли ограничивать империй магистратов, полномочия (imperia) магистратов — права (auctoritas) сената, права сената — власть (potestas) плебса, власть плебса — верховенство (majestas) народа, в руках которого находилось высшее государственное управление (totius imperii summa).

Но поскольку казалось опасным доверять решение государственных дел толпе (что, однако, было неизбежно, если все декреты сената утверждались народом), народ предоставил сенату право ведать всем, что касалось государства, за исключением права назначать магистратов, проводить законы,

объявлять войну и мир⁵¹⁵, распоряжаться жизнью и смертью и выступать в качестве последней инстанции при обжаловании приговора; это народ сохранил для себя ради <удержания> верховенства в государстве, как видно из речи консула М<ания> Валерия⁵¹⁶ у Дионисия⁵¹⁷ и из слов самого Полибия⁵¹⁸. В остальных <случаях>, чтобы сенат не злоупотреблял полномочиями, плебейским трибунам было позволено накладывать вето на любые его решения⁵¹⁹. Поэтому, когда заседал сенат, трибуны стояли перед дверями, и его решение не утверждалось, пока трибуны не писали на нем букву «Т», знак согласия⁵²⁰; в более поздние времена им было позволено входить в сенат⁵²¹.

Следовательно, то, что предоставляется сенату и магистратам, отличается от высшей власти; иначе пришлось бы признать, что последняя находится у тех, кто получил ее от других; если это кажется абсурдным, то абсурдным должно казаться также и утверждение Полибия, что высшая власть в государстве принадлежала частично народу, частично сенату, частично консулам и потому представляла собой некое равновесие полномочий оптиматов, монарха и народа⁵²². Это мнение приняли Дионисий⁵²³ и Цицерон⁵²⁴, затем его решительно одобрили Макиавелл⁵²⁵, Контарен⁵²⁶, Т<омас> Мор⁵²⁷, Гаримберт⁵²⁸ и Мануций⁵²⁹, которых мы намереваемся опровергнуть в нашем исследовании; это крайне важно, ибо благодаря такому изысканию можно прийти к более глубокому пониманию того, что написано о государствах.

Когда у флорентинцев вспыхнул яростный спор о том, следует ли возвращать свободу народу⁵³⁰, <и> казалось опасным и губительным доверить тайны власти толпе⁵³¹, было постановлено, что народу (за исключением отбросов плебеев, которые, согласно законам, не могли получать магистратуры) надлежит вводить в действие законы и назначать магистратов, а сенату и магистратам народа ведать всем остальным⁵³². Так пишет Гвикардин⁵³³. Отсюда также должно стать ясным, что право высшей власти заключается прежде всего в этих <вещах>. Значит, сначала надо рассмотреть, кто может давать власть магистратам и отнимать ее, кто может вводить в действие законы или отменять их: кто-то один, меньшая часть граждан или их большая часть. Установив это, легко определить, каково устройство государства; четвертого не существует, да и невозможно представить. При этом добродетель или порок не делают государства различными⁵³⁴: будь правитель несправедливым или честным, монархия, тем не менее, останется монархией. То же самое можно сказать об оптиматах и народе, которые, даже если у них нет никакого иного <права>, кроме назначения магистратов, обладают верховной властью, и определять государственное устройство необходимо по ним. Мы назовем его государством оптиматов или народа (мы должны использовать эти слова, чтобы нам не приходилось часто пользоваться указывающими на добродетели и пороки терминами «аристократия», «олигархия», «демокра-

тия» и «охлократия»⁵³⁵), тем более если, кроме назначения магистратов, у них есть также право <решать вопросы> о войне и мире, о жизни и смерти, наконец, о законах и обжаловании приговоров. Известно же, что это было всегда не только при монархии, но и при правлении оптиматов и народа. Ведь утверждение, что нет права подавать апелляцию на решения сената⁵³⁶ и префекта претория⁵³⁷, касается обычного судопроизводства, ибо позволяется апеллировать к правителю или к народу в чрезвычайном порядке, что Аркадий⁵³⁸ назвал «совершать суппликацию»⁵³⁹, когда того требует необычность дела или важность <причастных к нему> лиц⁵⁴⁰. Но чтобы не излагать до бесконечности все <случаи> из историй, мы используем примеры афинян, римлян и венетов, чтобы показать, насколько ошибочно сообщенное ими [Полибием и его последователями] о правильно организованном государстве римлян.

<Раздел 2. Три вида государства>

Государственное устройство у римлян. — Итак, я полагаю, что в век Полибия и в гораздо большей степени Дионисия и Цицерона государственное устройство римлян было полностью народным. Ибо после изгнания из Города царей первым законом, предложенным Брутом⁵⁴¹ народному собранию, стал закон о власти, по которому народ выбирал консулов на годичный срок. Именно так сообщают Тит Ливий и Дионисий⁵⁴². Из этого очевидно, что всю консульскую власть они должны были испрашивать и получать у народа⁵⁴³. Следовательно, когда утверждают, что <магистратура> консулов была признаком царской власти⁵⁴⁴, это столь же ошибочно, как если бы говорили, что царские полномочия имели и префект претория при императорах римлян, и великий басса у турок⁵⁴⁵ или даже магистр дворца при королях галлов⁵⁴⁶, ибо они самостоятельно решали самые важные <дела> в государстве и к тому же обладали властью не только большей, чем консулы, но и пожизненной. Поэтому, если абсурдно приписывать царские полномочия магистру воинов⁵⁴⁷, еще более абсурдно приписывать их консулам. В дальнейшем мы покажем, что у плебейского трибуна было больше власти, чем у консула.

Теперь я перехожу к сенату, в котором <последователи Полибия> увидели признак аристократии⁵⁴⁸, хотя он получал все права и власть от народа, ведь избрание сенаторов совершалось по его решению или повелению⁵⁴⁹. Наши предки, говорит Цицерон, «...избрали должностных лиц с годичными полномочиями — с тем, чтобы навсегда поставить во главе государства совет... но чтобы члены этого совета избирались всем народом и чтобы доступ в это высшее сословие был открыт для всех деятельных и доблестных граждан»⁵⁵⁰. Впоследствии народ, чтобы снять с себя эту заботу, постановил⁵⁵¹ по закону, предложенному плебейским трибуном Овинием⁵⁵², как это <сказано> у Феста, что «цензоры будут выбирать по куриям лучших граждан